

В конце 1945 года четыре советских писателя — К. Симонов, Б. Агапов, Б. Горбатов и Л. Кудреватых — отправились в длительную поездку по Японии. Только завершилась война. В стране хозяйничала американская военщина. Нашим писателям пришлось проявить немало мужества, чтобы познакомиться с жизнью японского народа и рассказать о нем правду.

Воспоминания, которые мы печатаем сегодня, в основном рисуют фигуру талантливейшего советского поэта, прозаика, драматурга и публициста Константина Симонова. Но они в то же время особенно актуальны и потому, что показывают атмосферу холодной войны, которая тогда уже раздувалась генералами США. Полностью очерк будет опубликован в журнале «Дружба народов».

* * *

НЕ НАДЕЯСЬ на прочность памяти, обращаюсь к своим дневникам, чтобы кое-где пересказать их, а кое-где прямо процитировать. Рассказать о Константине Симонове, каким он развернулся перед нами в том путешествии. Просто о тридцатидвухлетнем Косте, каким его наблюдали в те дни. Без домысла. Без поправок на время.

Первые несколько недель мы жили в международном клубе журналистов, аккредитованных при штабе Маккартура, и в числе примерно шестидесяти человек состояли членами клуба. Потом переехали в двухэтажный домик, оказавшийся почти в центре пепелища, где и пробыли до отъезда.

Запись из дневника за 29 декабря 1945 года: «Симонов вернулся от Маккартура — вручал письмо Гарримана. «Почти кругом отказ, — еле сдерживая негодование, сказал он, вернувшись домой. — Дать закрытую машину отказался, нет, говорит, свободных и в ближайшее время не ожидается. Правда, ездить разрешил, куда мы пожелаем, добавил при этом, что каждый раз, когда мы собираемся куда-то в путь, следует позвонить генералу Беккеру, и он, мол, обеспечит вас транспортом. Хитер, бестия; ездить куда хотите, но куда вы поехали, об этом будет знать генерал Беккер! Обойдемся и без Беккера!»

«9 ЯНВАРЯ 1946 года. Вчера, зашли в нашу военную миссию. И сразу в кабинет генерала Воронова. Генерал подал Симонову телеграмму. В ней сообщалось о выдвижении Симонова кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР по Ярцевскому избирательному округу. Для Симонова такая весть оказалась столь неожиданной, что он растерялся. Поблудил, потом лицо налилось румянцем. Сел. Молчит. Действительно! Такое признание писательской и журналистской деятельности! Спустя некоторое время Симонов сказал:

— Знаете, откровенно говоря, я несказанно рад. Рад не только Симонов. Рады и мы. Он энергичный, темпераментный человек. Он хороший, добрый товарищ. Симонов — талантливый поэт. Он идет самостоятельной дорогой. Он лишен и тени подхалимства и заискивания. А самое главное, он чертовски трудолюбив, деятелен. Он не пижон в литературе и журналистике, а чернорабочий».

«22 января. Уже несколько дней живем в «своем» доме. Костя набрал огромный штат: четыре переводчика, две амы-домработницы и четыре шофера: три машины арендуют. Даже генерал Беккер расщедрился и выделил «Виллис». Мы не говорим по-японски, амы и шоферы не говорят по-русски. Прежде, чем что-то сказать им, разыскиваем переводчика. Муза Николаевна одновременно с прямыми обязанностями

Леонид КУДРЕВАТЫХ

СТО ДНЕЙ С СИМОНОВЫМ

стенографистки выполняет и роль сестры-хозяйки».

«27 января. Мы уже месяц в Японии. До отказа занят каждый день, распланирован каждый час. Спим по пять-шесть часов в сутки. Симонов к тому же каждое утро диктует Музе Николаевне свои дневники. Он все успевает. Он в центре всех событий, связанных с нашим пребыванием в Японии. Точен и обязательен. Он работоспособен чертовски и дьявольски талантлив.

В два часа дня состоялась встреча в редакции газеты «Асахи» с группой японских писателей. Были Симонов и я. Знакомили слушателей с организацией и системой руководства советской культуры. Беседа продолжалась ни много ни мало пять часов... Наш страж и руководитель Симонов неослабно следит, чтобы никто не смел отказываться ни от какого предложения. «Нам нужно рассеивать тучи лжи, накопившиеся над Японией почти за три десятилетия», — не раз говорил он нам».

«9 февраля. Пока я потратил несколько дней, чтобы записать свои впечатления от пребывания в деревне Хироока, Симонов уже вернулся из пятидневной поездки в имение графа Хидзиката. Интереснейший граф! Его в Японии зовут красным графом. Он — создатель революционного драматического театра. Вместе с двумя сыновьями, ныне нашими переводчиками, несколько лет прожил в Советском Союзе, был режиссером московских театров. Старший сын Виктор и Муза Николаевна, сопровождавшие Симонова в этой поездке, рассказывали, что Симонов был занят по двадцать часов в сутки.

— Беседовал минимум с двадцатью крестьянами. Две ночи провел в крестьянских домах, — заметил Виктор Хидзиката».

«10 ФЕВРАЛЯ... Вчера вечером Симонов, Горбатов и я побывали на кинофабрике. Не обошлось без обстоятельной беседы о советском кино. Нам показали картину «Урок сочинения». Поставлена в 1938 году. Главную роль ученицы из бедной рабочей семьи талантливо исполняет ныне известная киноактриса Хидяко Такамина. Тогда ей было 14 лет. Она охотно с нами сфотографировалась. Когда мы возвращались домой, Симонов сказал: «Мне очень хочется самому поставить кинокартину: я — сценарист и режиссер-постановщик! Может быть, начну с документального кино, но обязательно начну».

Утром сегодня у нас было большое событие — выполняли священный гражданский долг. Всей советской колонией эсдили на причалившие вчера в Токийском порту два советских фрегата. Голосовали за кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР. Симонов в эти минуты выглядел сосредоточенным и торжественным. Вот так же в Ярцевском избирательном округе Смоленской области советские люди голосуют за него, Симонова, находящегося где-то в далекой Японии».

«5 марта. Из Москвы от Лозовского получили тревожную телеграмму: почему ничего не пишем для га-

зет? Посовещались и по предложению Симонова ответили так: «Находимся в бесперывных поездках. Дорожим каждым днем для изучения страны и крайне сложной обстановки. В связи со здешней ситуацией считаем посылку нейтральных статей неинтересным делом. Готовим серию статей, печатание которых раньше нашего отъезда из Японии сделало бы затруднительной дальнейшую работу здесь».

«12 МАРТА. Остановка в Сэндае. Решили побывать в местной тюрьме. В ней почти семнадцать лет томились многие видные коммунисты. Но прежде поехали в пригород, куда американские офицеры пригласили нас на ленч. Цель этого приглашения раскрылась в характере вопросов, которые дотошно задавал нам один лейтенант, специально заучивший их по чьему-то поручению. (В скобках сейчас замечу: вся мировая пресса обсуждала злобную антисоветскую речь Черчилля в Фултоне, в которой как раз и были затронуты эти вопросы).

— Ваша оценка обстановки в Иране и Корее? — Как вы относитесь к Франко?

Лейтенант, задававший вопросы, хотел было свести все к шутке. Но Симонов не улыбнулся, а на полном серьезе ответил:

— Об Иране и Корее сказать ничего не могу. Давно не читал наших газет. Но Франко я бы повесил».

«15 марта. Симонов и я были приглашены к профессору Кооно, знатоку проблем народности айнов, живущей на Хоккайдо. За обедом с японскими кушаньями и сидением на подушечках, по сути дела на циновках, состоялась беседа с гостями Кооно, представителями разных профессий: врач, кинооператор, журналист, студент. Много говорили об эсперанто — в Японии увлекаются этим языком.

Конечно, шла речь и о внутреннем положении послевоенной Японии. Симонов перед всеми собеседниками поставил такой вопрос:

— Вы — разные по профессиям и политическим взглядам. Представьте, что каждого из вас назначили премьер-министром. Что бы вы стали делать, какой бы первый закон издали?

Все задумались, отвечали медленно и, как мне показалось, откровенно. Кинооператор всю войну провел в армии. Он был конкретен.

— Для меня стало ясным, что Япония навечно подпала под влияние Америки. Она оказалась мышью в пасти кота. Поэтому любые действия премьера обречены.

— Если бы меня сделали премьером, я принял бы все меры, чтобы Япония не стала местом военных действий, — сказал врач».

Переписываю два ответа, перечитываю другие и вижу, что за тридцать пять лет почти не изменилось мышление слоев населения Японии.

«18 марта. Поездом возвращаемся из Саппоро. Грохот колес, свист паровоза, мелькающие в окне пейзажи. Костя усадил Музу Николаевну за уложенные им чемоданчики и начал диктовать о своих, еще ки-

отских, встречах. Он все помнит: ширину глаз собеседника, улыбку, костюм, обстановку комнаты, манеры хозяйки. Он как бы читает бесконечную книгу своей памяти, книгу, в которой масса метафор и синонимов, юмора и сатиры, пейзажей и исторических справок. Садясь диктовать, он говорит: «Муза, оторвем сегодня тридцать страниц!» — и «отрывает» тридцать пач.

...Сегодня он смеялся над тем, что все мы признали его власть даже над глотком виски и парой яиц: «Костя! Можно глотнуть виски?» Сейчас он ходит по вагону с палкой, одергивает штаны и что-то смешное диктует Музе Николаевне, улыбаясь в свои крохотные, не идущие к его могучей фигуре, усы».

«19 МАРТА. После антисоветской и антикоммунистической речи Черчилля в Фултоне отношение к нам всех служб штаба Маккартура резко изменилось.

Мы с Симоновым из Саппоро хотели съездить в северные окраинные городки и поселки. Но представители американской армии находили десятки причин — то заносы, то поезда отменены, то на ближайшие дни въезд в эти места запрещен — чтобы не пустить нас туда. И не пустили!

Вторые сутки в пути. В 10.15 вечера наш поезд, состоящий из вагона с местами для сидения и двух багажных, прибыл в Сэндай. Мы должны были пересестись уже в настоящий поезд, идущий в Токио. Предъявили свои документы, нам коротко ответили:

— Все спальные места распределены, больше нет.

— Разве вам не звонили о нас из Омори?

— Звонили. Но было уже поздно.

— Тогда, может быть, найдете возможным устроиться на спальное место нашу даму? — настаивал Симонов.

— Нет мест, — сухо повторил американец.

— У нас в России принято для дам освобождать место, подобную любезность проявит каждый мужчина.

— Не могу! — еще более резко ответил американец.

Мы возмущались, еле сдерживая себя.

— Перетерпим! — заключил Костя. — До Токио еще одна ночь. Обязательно напишу жалобу генералу Беккеру. А может быть, все по его указаниям и делается? Видимо, пора собираться в обратный путь, в Москву».

ПОЕЗДОМ Симонов ехал только до Читы. В Хабаровске в вагон пришли два полковника, обращаясь к Симонову, сказали:

— В Чите вас ждет самолет. Не позднее 14 апреля из Москвы вы должны вылететь в США в составе небольшой делегации: вы, Эрэнбург и Лактионов.

— А писать о Японии будет Иисус Христос? — несколько растерявшись, проговорил Симонов.

Так закрылилось и завершилось у Симонова, как мы знаем теперь, на всю жизнь! Облетал и объездил он полсвета.